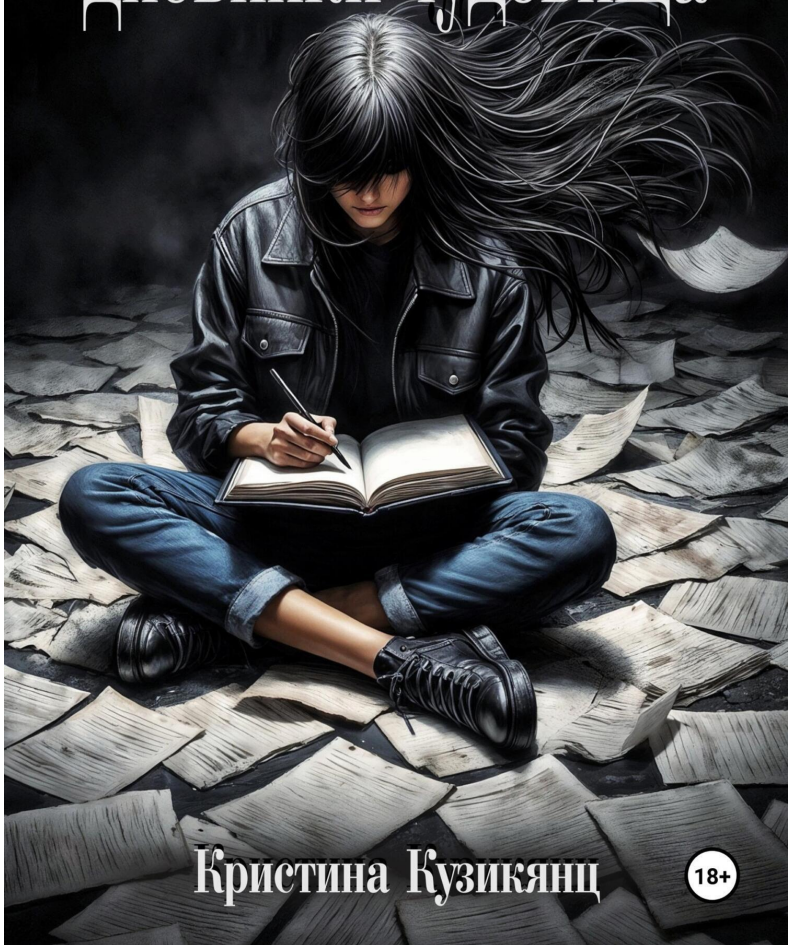

Дневники Чудовища

Кристина Кузикянц

18+

Кристина Хачатуровна Кузикянц

Дневники чудовища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71661505

SelfPub; 2025

Аннотация

Убийца перерезает своим жертвам горло, отрезает языки и оставляет на месте преступления как визитную карточку сувенирные весы и надпись, выведенную кровью убитых: «ТЫ СВОБОДНА». Что за извращённый ритуал?

Убийца явно претендует на серийность. Точек пересечения между двумя жертвами не найдено. Зацепок нет, одни лишь вопросы: весы – это подарок, автограф, подсказка? Что убийца хочет сказать? К кому обращены эти послания? И наконец, кем считает себя убийца – кровавым палачом или праведным мстителем?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Отголоски прошлого	7
Год спустя.	7
Глава 2. Две сестры	13
Глава 3. Шерше ля фам	20
Глава 4. Вероника	38
Глава 5. Бабочки в животе	49
Глава 6. Марго	56
Глава 7. Выводы Винни Пуха	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кристина Кузикянц

Дневники чудовища

Пролог

Скоро, очень скоро они найдут тело этой мерзкой твари. Я знаю, как это случится. Я явно представляю себе картину событий. Эти губастые дамочки при полном макияже в своих униформах из косметического салона «Шик. Блеск. Красота» начнут свой обычный рабочий день. Администратор салона, эта силиконовая кукла, в утренней суете не сразу заметит, что кого-то из мастеров нет на месте. Вскоре придет постоянная клиентка Натальи, записанная на десять часов утра на стрижку, окрашивание и укладку волос. Администратор позвонит Наталье на сотовый, но никто не возьмет трубку, оставит сообщение, затем снова наберет номер телефона. Но паники не будет, возможно, коллега попросту не слышит звонка, может, в лифте, а может, уже и бежит на работу, но опаздывает. Да мало ли какие могут быть поводы, и все вполне безобидные. Ведь Наталья всегда выходит в свою смену, за ней ни разу не было замечено нарушения графика. Но трудовой день будет в разгаре, а ее все никак не найдут, хотя смена Натальи полностью расписана. Она – профи в своем деле, к ней всегда

очередь на несколько недель вперед. Настойчивые попытки дозвониться до нее ни к чему не приведут, и тогда в голову полезут уже другие, не такие невинные, а вполне тревожные мысли. Думаю, администратор позвонит дочери, в надежде, что, может, та знает причины отсутствия ее матери на работе и разъяснит ситуацию. Дочь охватит волнение: неужели могло случиться что-то неизбежное, и она кинется домой на квартиру к матери. Теребя запасные ключи, она доберется до двери дома, дрожащими руками вставит ключ в замок. Дверь окажется не заперта, дочь со страхом дернет ручку и решится войти. С порога, не раздеваясь, начнет звать: «Мама! Мам! Ты где?» Пройдет коридор, направится в спальню – кровать заправлена, в гостиную – чисто и убрано, на кухне тоже никого. В помещении матери нет. Постойт с минутой в недоумении, но на всякий случай останется проверить только в ванной комнате. Откроет дверь в ванную и... у нее перехватывает дыхание, немеют ноги, и единственное желание – поскорей выбраться отсюда, из этой квартиры, пока не стошнило.

Как бы мне хотелось оказаться там снова. Увидеть, как придет полиция, набежит толпа любопытных соседей. Но я не сделаю такой глупости. Знаю, что они будут допрашивать всех вокруг, будут всматриваться в лица проходящих зевак. Ведь они знают, как велико мое желание оказаться там опять. Даже сейчас, когда я сижу в кафе с панорамными окнами напротив дома Натальи и вдали слышны звуки

сирен полицейских машин, которые манят меня вернуться в эту обстановку.

Я сижу записываю свои мысли в дневнике. Допиваю свой любимый кофе американо, смакуя большой кусок шоколадного торта. Наслаждаюсь прекрасным летним теплым утром и прихожу в упоение, что еще одной гнидой стало меньше.

Я предвкушаю, как повторю это снова и снова.

4 июня

ВН.

Глава 1. Отголоски прошлого

Год спустя.

Старший следователь первого отдела по расследованию особо важных дел майор юстиции Максим Медведев подъехал на улицу Чертановскую, во двор дома, куда его вызвали для расследования очередного убийства. Дом располагался в обычном московском спальном районе, состоящем из стандартных панельных девятиэтажек унылого вида. Небольшую группу назойливых репортеров, толпящихся во дворе возле дома, сдерживала пара полицейских. Присутствие журналистов не удивило, но и не обрадовало майора. Не было сомнений, что медийщики намереваются сделать из убийства сенсацию. На скамейках шептались местные бабушки. Вокруг бегала любопытная детвора, которая мешала работать полицейским. Между тем они уже закончили опрашивать жильцов подъезда, где проживала жертва. Полезной информации — ноль.

В толпе следователь увидел своего вечно жизнерадостного молодого напарника, капитана юстиции Дениса Колесникова. Худое лицо, лишённое растительности, постоянная улыбка и добрые глаза делали Дениса значительно моложе своих тридцати. Он работал с Максимом вот уже третий ме-

сяц, и тот был доволен новым напарником, который ответственно подходил к работе, безропотно выполнял приказы и не раздражал своим характером.

Сам сорокалетний Медведь был высоким мужчиной крепкого телосложения с широкими плечами и копной темных волнистых волос. За ним давно закрепилось это прозвище из-за фамилии и внешнего сходства с грозным хищником. Макс не нравилось это сравнение, он не отождествлял себя с этим зверем и не позволял коллегам и знакомым называть себя так в его присутствии. Густые сдвинутые брови придавали его взгляду твердость и сосредоточенность. А привлекающая противоположный пол ямочка на подбородке смягчала внешнюю суровость Макса. Полгода назад Медведева перевели из подразделения по борьбе с наркотиками в отдел по расследованию убийств.

– Что тут у нас? Посвяти меня, кратко, в обстоятельства произошедшего, – обратился Макс к напарнику.

– Жертва – Мария Образцова, сорок восемь лет, была обнаружена дочерью в одиннадцать часов утра в своей квартире. Обычно она приходит на работу к девяти. Небольшой магазин одежды «Твой стиль» располагается в двух автобусных остановках от дома. Это семейный бизнес, которым убитая владела вместе с сестрой и дочерью. Когда Образцова не пришла на работу и не ответила на телефонные звонки, они заволновались. Дочь пошла к матери домой проверить, что случилось, и обнаружила ее труп в кухне. Со слов сест-

ры, дочери и соседей, недоброжелателей у убитой не было. В квартире проживала одна, в разводе, мужчин не приводила. В последнее время ни с кем не конфликтовала. Обычная работающая женщина.

Напарники поднялись в квартиру, где была обнаружена жертва. Оперативная группа уже начала работать на месте преступления. Двое приглашенных понятых с ужасом в глазах мялись возле стены в коридоре. Судмедэксперт Карен Геворкян осматривал тело погибшей в тот момент, когда Макс с Денисом, облачившись в бахилы и надев резиновые перчатки, вошли в дом.

Хотя Максим был опытным специалистом и многое уже повидал в своей работе, он знал, что зрелище будет неприятным. В отличие от капитана Колесникова, которого часто выворачивало во время осмотра места преступления, у майора не возникало рвотных рефлексов при виде крови.

Посередине маленькой светлой кухни на полу, в лучах утреннего солнца, сочащихся сквозь окно, на спине лежала женщина в огромной луже крови. Руки были раскинуты в стороны, в одной из них зажаты сувенирные латунные весы с двумя чашами. Некогда белая блузка превратилась в алую. Остекленевший взор был направлен в потолок. На лице застыла маска ужаса, а окровавленные губы были приоткрыты и словно что-то хотели сказать. Заметна была только одна рана. Зато какая! Очень глубокая, от уха до уха, она рассекала горло, обнажая гортанный хрящ. На забрызганных кро-

вью нижних фасадах белого кухонного гарнитура отчетливо выделялась кровавая надпись, выведенная заглавными буквами: «ТЫ СВОБОДНА».

– Здравствуй, дарагой! Сожалею, что сорвали вам ррыбалку, – сказал доктор Геворкян Максиму. – Но, похоже, ваш отпуск отменяется.

В голосе доктора слегка проскакивали нотки армянского акцента, несмотря на то, что он уже более тридцати лет жил и практиковал в Москве.

– Я был на автостраде, когда меня вызвали.

– Я только начинаю асмотр, – сказал доктор Геворкян. – Так что, дарагой, вы прибыли вовремя. Очевидно, что причиной смерти послужило ррасечение горла. А теперь внимательно посмотрите сюда. – Доктор шире приоткрыл рот трупу и направил луч фонарика прямо в ротовую полость. – Что вы видите?

– Языка нет, его отрезали.

– Да, судя по ровным краям рраны, жертва либо не сопротивлялась, либо язык был отсечен после смерти. Вся остальная информация позже, после вскрытия.

Глядя на жертву, на всю обстановку вокруг, Максим в какой-то момент впал в оцепенение, перенесясь мыслями в прошлое и вспомнив другую мертвую женщину. Наблюдалось явное сходство.

– Тебе это не напоминает случай с Соколовой Натальей, парикмахером?

– Поднять дело Соколовой из архива, на случай, если понадобится перечитать его? – уточнил Денис.

Макс не видел в этом необходимости. Он хорошо помнил все нюансы дела Соколовой, потому что руководил расследованием. Год назад пятидесятилетнюю Наталью Соколову, работавшую в косметическом салоне «Шик. Блеск. Красота» парикмахером, нашли мертвой в ее собственной квартире. Администратор салона заволновалась, когда жертва не явилась на работу, и позвонила дочери в надежде, что та разъяснит ситуацию. Дочь поспешила домой к матери и обнаружила ее труп в ванной. Следов взлома в квартиру не обнаружили. У погибшей была рассечена шея и отрезан язык, в руке зажаты сувенирные весы. На стене в ванной комнате кровью погибшей выведена надпись: «ТЫ СВОБОДНА». Убийцу так и не нашли.

– Да, кстати, где то, что осталось от языка? В мусорном ведре? – спросил Максим.

– Совершенно верно, там мы его и обнаружили, – ответил один из сотрудников опергруппы.

– Как и в случае с Соколовой, – прошептал Макс Денису. – Что насчет орудия убийства? – поинтересовался Медведев у криминалистов.

– На месте преступления не обнаружено, – ответил все тот же сотрудник.

– У нас полно работы. Давайте не расслабляться! – обратился он к коллегам.

Каждый из членов следственной группы продолжил свое дело.

Глава 2. Две сестры

На часах была половина пятого утра. Маргарита вся извелась и не находила себе места в комнате. Старшая дочь Вера до сих пор не пришла домой. Дочь работала официанткой в элитном ресторане Москвы. Смена закончилась в полночь. Телефон ее не отвечал и находился вне зоны доступа. Это уже не впервые, когда Вера приходила под утро, да еще и навеселе. Поведение дочери беспокоило Марго. Они часто ругались по этому поводу. Матери не нравилось, что Вера официантка, что она поздно возвращалась домой, не нравился ее образ жизни. Какие могут быть перспективы у официантки, Марго не понимала, как и не понимала, почему дочь продолжала там работать. Маргарита желала, чтобы Вера пошла по ее стопам, стала медсестрой или даже лучше – врачом. Чтобы помогала людям, облегчала им страдания, была полезной обществу, проявляла милосердие, а не обслуживала напыщенных, богатых мажоров, которые только и думали, как ущипнуть за попу или затащить дочь в постель. Вера была очень красивой, стройной девушкой с эффектной внешностью, привлекающей взоры мужчин. И при этом обладала дерзким и необузданным характером. Поклонников и ухажеров было предостаточно, но длительных, серьезных отношений не было. Мать надеялась, что, возможно, Вере повезет выйти удачно замуж и построить благополучную се-

мейную жизнь. У старшей дочери с ее внешними данными шансов на это было больше в отличие от младшей дочери Ники. Младшая была полной противоположностью. Тихая, незаметная, заурядная, неуверенная в себе особа.

Сорокапятилетняя Маргарита овдовела пять лет назад. После внезапной ранней смерти мужа от инфаркта взаимоотношения с дочками ухудшились. Муж был рассудительным, спокойным человеком. Марго была за мужем, что называется, как за каменной стеной. Он был ее опорой и поддержкой, доминантой. Марго приходилось брать больше рабочих смен в больнице, чтобы заработать дополнительные деньги. На воспитание и участие в жизни девочек оставалось мало времени. Они все больше были предоставлены сами себе и постепенно перестали воспринимать мать как авторитетного человека.

Дурные мысли лезли в голову и не давали спать. Как ни старалась Марго их отгонять, они продолжали проскакивать. В комнате уже стало светло. Вдруг раздался щелчок дверного замка. Марго вышла в коридор.

– Явилась, блудная дочь?

– Да, и не запылилась.

Сумка Веры выпала из рук и с грохотом шлепнулась на пол. Часть содержимого выкатилась. Марго в недоумении смотрела на неоднократные попытки дочери повесить пиджак на крючок вешалки. Было видно, что руки и ноги не сильно слушались девушку.

– Ты пьяна? Ты на часы смотрела? Ничего не хочешь мне сказать? Где ты шлялась? С кем ты была? Почему выключен телефон? – не скрывая раздражения и гнева, кричала Маргарита.

– Ох, началось, – вздохнув и закатывая глаза, произнесла Вера. – Сорок вопросов в минуту.

– Как ты со мной разговариваешь? Отвечай, я тебя спрашиваю! Почему...

– Забыла? Мне двадцать четыре, – перебила Вера, не дав матери договорить. – Я не обязана перед тобой отчитываться! Все, не начинай, не кричи, Нику разбудишь! Я спать, – с трудом выговаривая слова, сказала Вера и направилась в свою комнату.

Разговор с пьяной дочерью ни к чему не привел. Нравоучительные беседы были сейчас бесполезны. До работы Маргарите оставалась пара часов. Усталость брала свое. Когда Марго убедилась, что дочь жива и серьезного ничего не произошло, ей ничего не оставалось делать, как тоже пойти лечь спать.

Вера проснулась от проникшего в комнату ароматного запаха кофе и свежеевыпеченных блинов. Запахи были настолько соблазнительные и манящие, что она, не раздумывая, сонная побрела на их зов. На кухне она встретила младшую сестру Нику, хлопчущую возле плиты. Стол был накрыт, стояли две чашки кофе, тарелка с целой стопкой блинов и

несколько вариантов начинок – от сметаны до сгущенки, яблочный пирог и творожные оладьи.

– Проснулась, соня. Садись завтракать, хотя уже время обеда, – сказала младшая сестра Ника.

– М-м-м, вкусняшки, объедение, – с радостью в глазах сказала Вера и сразу же села есть.

– Вкусно?

– Молодец! Ника, вот ты умница! Хороший из тебя повар получился бы. Вот готовишь ты супер, у тебя все вкусно.

Ника смотрела на свою старшую сестру, уплетающую блины за обе щеки, и не могла отвести глаз. Даже после сна, нерасчесанная, с размазанной тушью под глазами, она была прекрасна. У Веры были густые золотисто-рыжие волосы, спадающие волнами на плечи и спину, такие же, как и у матери. Тонкие черты лица, зеленые миндалевидные глаза, пушистые ресницы, слегка вздернутый нос. Пухлые четко очерченные губы придавали Вере женственности и изящества. Ника любила сестру, но завидовала ее красоте и стройному телу. Она восхищалась ей и ненавидела ее одновременно. Казалось, что Господь Бог отдал ей все самое лучшее. Внешностью Ника больше походила на отца, унаследовав от него темно-каштановые с рыжиной прямые, похожие на паклю волосы, круглые карие глаза, нос картошкой и склонность к полноте.

– Чем собираешься заняться в свой выходной? – нарушила молчание Ника.

– Вечером встречаюсь с Тимуром. Погуляем в парке, сходим в кино.

– По-моему, ваши отношения с Тимуром затянулись. Непохоже на тебя. Он даже не управляющий рестораном, всего лишь администратор зала. Ты ведь, красавица наша, можешь вскружить голову любому. Сестренка, ты не влюбилась? – улыбаясь и заглядывая Вере в глаза, спросила Ника.

– Не знаю, – задумчиво проговорила Вера. – Он интересный и легкий в общении. Мне нравится проводить с ним время вне ресторана наедине. Он принимает меня такой, какая я есть. Он серьезный, надежный, перспективный, не урод. А самое главное, он не видит во мне красивую куклу, которую можно брать с собой везде, чтобы выпендриться перед друзьями.

– Да, он хороший парень и симпатичный. Замуж за него пойдешь?

– А что! Позовет – пойду, – игриво ответила Вера.

И девчонки рассмеялись в голос.

– Этой ночью ты с ним зажигала? Сильно от матери влетело? – продолжила расспрашивать Ника.

– Ага, с Тимуром. Да ну ее. Достала. Все хочет контролировать, что не по ее, так в штыки воспринимает. У нее выходной, или она ушла в больницу?

– Ушла на сутки.

– Вот и отлично, не будет по ушам ездить.

– А ты чем сегодня займешься? – спросила Вера.

– У меня на вечер запланированы две капельницы в разных концах города, – убирая со стола, выговорила Ника.

– И охота тебе кататься к пациентам на дом, тратить время и силы?

– Меня устраивает. Работы я не боюсь, у меня хорошо получается. На дому больше платят, а деньги лишними никогда не бывают.

– Понятно. Но все же ты подумай насчет повара. Такой талант пропадает, – вставая из-за стола, сказала Вера.

– Давай уже собираться. Опоздаем. Кому-то на свидание, а кому-то на работу.

– Ничего, сестренка, будет праздник и на твоей улице.

С самого детства сестры были очень близки и не помнили себя друг без друга. Разница между ними составляла меньше полутора лет. Марго, их мать, была женщиной заботливой, но холодной и неласковой. Ее главная материнская роль заключалась в том, чтобы дети были сыты, прилично и чисто одеты, находились в тепле и комфорте. В ее сердце редко находилось место проявлению чувств и для бесед по душам. А после смерти мужа Маргарита стала более требовательной и строгой по отношению к уже взрослым дочерям. Старшая, за счет своего сильного волевого характера, могла противостоять нападкам матери, не воспринимала замечаний и делала все по-своему. Младшая, более покладистая, ранимая натура, старалась не конфликтовать, а чаще стремилась добиться расположения мамы в надежде на получение симпа-

тии и одобрения. В желании угодить Марго даже в выборе профессии Ника пошла у нее на поводу и отучилась на медсестру, осуществив давнюю мечту матери, чтобы кто-то из детей пошел по ее стопам. Помимо основной работы в онкологической клинике, она занималась частной практикой, выезжала на дом проводить различные процедуры, ставить уколы и капельницы, обрабатывать послеоперационные раны и швы. Больше всего душевных эмоций не хватало именно Нике, она очень нуждалась в тактильных ощущениях. Потеря отца сказалась на ней тяжелее всех остальных членов семьи. Она обожала его, души в нем не чаяла. Скучала по тем временам, когда в обнимку с ним могла подолгу валяться на кровати, смотря кино, вдыхая запах его тела, запах родного, любимого человека. А после они часами дискутировали и обсуждали увиденный фильм. От папы она получала нежность и теплоту, похвалу, поддержку. Все то, чего не давала мать. Поэтому после смерти отца, учитывая неоднозначные отношения с токсичной матерью, девочки все больше сближались между собой.

Глава 3. Шерше ля фам

Капитан Денис Колесников стоял перед моргом, собираясь с духом, прежде чем зайти. Его подташнивало, и слегка кружилась голова. Самое тяжелое в его работе – необходимость присутствовать на вскрытии трупа: покойник – зрелище неприятное само по себе, но оно еще и сопровождается видом крови и своеобразными неприятными запахами.

В пятницу седьмого июня стояла жаркая погода. После уличной духоты в морге было особенно прохладно. Денис надел одноразовый хирургический халат, натянул перчатки, медицинскую шапочку и бахилы. Он не раз был свидетелем, как со стола на пол падает всякая гадость в виде сгустков крови или обрывков тканей. Соответственно, все это может попасть на обувь. Приносить все это домой на подошве совсем не хотелось. Колесников на миг застыл перед дверью в морг, чтобы взять себя в руки. Сделал глубокий вдох, приготовился к неприятному испытанию и вошел в секционный зал.

Доктор Геворкян вместе с санитаром морга готовились к вскрытию. Накрытый простыней труп лежал на столе, по другую сторону стола, напротив Дениса, стоял майор Медведев, не проявляющий никаких признаков дискомфорта.

– Все собрались, харашшо. Я начинаю внутренний асмор, – сказал доктор Геворкян и сдернул простыню с тру-

па.

Кровь уже смыли с тела, кожа отливала мраморной голубизной. Глубокая рана на шее жертвы зияла пурпурными прорехами, сквозь нее Денис снова увидел гортанный хрящ. Санитар подкатил тележку с инструментами к столу.

– Итак, Маррия Образцова. Я уже взял протокол вскрытия похожего случая, Соколовой Натальи, – продолжал судмедэксперт. – Возможно, вам понадобится его перечитать.

– Есть какие-нибудь улики? – спросил Максим.

– При осмотре до обмывания тела мы обнаружили волос, прилипший к краю раны.

Максим оживился:

– Волос жертвы?

– Жертва светло-русская, волос черный и не короткий, – поверх очков сказал доктор Геворкян.

– Запроси образцы волос всех, кто соприкасался с телом, – обратился Макс к Денису, который стоял бледный как стена, с выступившими на лбу каплями пота.

– Итак, господа! – Доктор привлек внимание следователей к ране на шее. – Невооруженным глазом видно, что причиной смерти явилось рассечение горла от левого уха с пересечением левой сонной артерии. А теперь заглянем в ротовую полость, здесь мы имеем поперечный разрез языка.

– Как и у Соколовой, – заметил Макс.

– Да, но есть небольшие различия.

– И? Какие же?

– У Натальи Соколовой ррана была местами неровной, ррванной, что может говорить о некоторой нерешительности убийцы. А у Образцовой этого нет, линия рразреза четкая, ни разу не обрывается. Очевидно, что убийца в этом случае нанес удар с большей уверенностью.

– Наш вероятный серийник набирается опыта, совершенствуется, значит.

– Если, конечно, это один и тот же убийца, – сказал Денис, сдерживая рвотные позывы.

– Еще кое-что схожее есть. Лезвие, которым отрезан язык и нанесена смертельная ррана, прямое, без зазубрин. Такое же лезвие, как и в случае с Соколовой.

– Скальпель? – уточнил Максим.

– Похоже на скальпель.

– Язык был отрезан до или после смерти?

– Посмертно.

Послышалось звяканье инструментов в лотке. Санитар подкатил тележку ближе к судмедэксперту, и доктор приготовился продолжить осмотр трупа. Денис сделал шаг назад от стола, не зная, куда отвести взгляд, чтобы тошнота не подступала к горлу. Он старался не смотреть, как доктор делает Y-образный разрез. Его мутило от вида зияющей раны на шее жертвы, пугали ее широко распахнутые глаза, смотрящие с застывшим ужасом в потолок, волосы, свалевшиеся в сгустках запекшейся крови. Капитан решил не задерживать больше взгляд на мертвой и предпочел сосредоточиться на

живых. Беспокойство Дениса было замечено доктором Геворкяном.

– Дарагой, вы плохо выглядите. Вам нужен нашатырь? – спросил судмедэксперт.

– Нет, все нормально. Восхищаюсь вашим самообладанием, вы каждый день видите мертвых.

– Когда я впервые присутствовал на вскрытии, то почувствовал такой мандраж, а потом быстро понял, что бояться мертвых – пустое дело. Бояться надо живых, – говорил доктор Геворкян, продолжая исследование трупа. – К смерти быстро привыкаешь, нельзя не привыкнуть, иначе ляжешь ррядом, если будешь принимать близко к сердцу каждый случай. Наша с вами задача не плакать над убиенными, а установить причину смерти, найти доказательства, чтобы суд мог вынести приговор убийце.

Утром десятого июня в понедельник следователь Медведев, дав задания своему напарнику Колесникову, один направился к дому убитой Марии Образцовой.

Закурив, Максим прохаживался вдоль улицы, оглядываясь и задаваясь вопросом, не наблюдает ли кто за ним. Убедившись, что за холодными стеклами окон квартиры Марии не было никакого движения, он бросил сигарету и направился к подъезду. Перед квартирой была натянута оградительная полицейская лента. Открывая дверь, Максим перепачкал ладони черным порошком, которым была обработа-

на ручка. Когда он вошел, лента сорвалась, зацепившись за его плечо.

Позавчера, находясь здесь, он был сосредоточен на осмотре места преступления, той самой кухни, где была убита Мария Образцова. Сейчас, находясь в полном одиночестве, он хотел сконцентрироваться и внимательно изучить обстановку и быт погибшей. По словам Дениса, с момента убийства здесь ничего не трогали.

Он долго стоял неподвижно в коридоре, в тишине и покое, ожидая, когда в воздухе успокоятся частицы пыли, потревоженные его проникновением. Перед Максимом предстала небольшая двухкомнатная квартирка, выдержанная в консервативном стиле. В интерьере не было ни пафоса, ни гламура, ни вычурных декоративных деталей. Гостиная оказалась обставлена в спокойном классическом стиле: темная стенка вдоль стены, в центре – стеклянный столик со стопкой журналов о моде и стиле, а рядом диван и два кресла. В углу стоял письменный стол с ноутбуком. Макс направился по коридору в спальню: «Так, что здесь у нас?» Большая кровать, шкаф, плазменный телевизор на стене. Везде чисто, уютно, ничего лишнего. Вещи в шкафу аккуратно сложены или развешаны, в ящиках порядок. На прикроватной тумбочке рамки с фотографиями. Макс подошел поближе, чтобы рассмотреть. На всех фото была запечатлена хозяйка дома со своей взрослой дочерью на фоне достопримечательностей из разных стран. Наблюдалось внешнее сходство ма-

тери и дочери: обе светло-русые с серыми глазами, схожие черты лица. Только вот дочь на всех фото по сравнению с улыбающейся и гордой матерью выглядела какой-то подавленной. В глазах читалась грусть, а губы были растянuty в неестественной улыбке. Потом он направился в ванную комнату. Плитка с цветочным рисунком, шампунь из лепестков роз, гель для душа из черной орхидеи, косметика, парфюм на полках, шкатулка с украшениями – все говорило, что хозяйка здесь живет одна.

Медведю хотелось, чтобы жилище заговорило с ним. Он сам не знал, что искал: не замеченную ранее улику, иголку в стоге сена, а может, подсказку, открывающую мотив убийцы. Он не чувствовал ни запаха смерти, ни волнения от недавнего кошмара, произошедшего здесь. Убийца не расхаживал по квартире, его не интересовали ни деньги, ни шкатулка на видном месте, набитая побрякушками. Его внимание явно было сосредоточено исключительно на хозяйке жилища, у него был какой-то личный мотив.

Максим вернулся к входной двери и начал анализировать, прокручивая в голове возможный ход действий убийцы. «Дверь не была взломана, хозяйка впустила убийцу на порог дома сама, зная его, либо он расположил Марию к себе. Ты знал ее распорядок дня, знал, что утром ей на работу к десяти, хотел поймать ее врасплох. Между вами завязался разговор, вы проходите на кухню...» Максим следовал по маршруту убийцы, и воздух становился тяжелее. Входя на

кухню, Медведь знал, что увидит за дверью. Кровь на полу, стенах и мебели уже запеклась. Клининговая служба еще не приходила. Казалось, уже сам воздух пропитался смертью.

«Итак, вы зашли в кухню, продолжили разговор, который перешел на повышенные тона. Ты возбуждаешься все больше и больше, ты чувствуешь, что ты хозяин положения. Ты пришел подготовленный. В кармане у тебя скальпель, который дает тебе уверенность. Ты теребишь его, ожидая подходящего момента, чтобы им воспользоваться. Цель у тебя одна – убить ее. Ты ждал пика своего эмоционального состояния, чтобы поставить точку в этом деле. Наконец ты крепко схватил Марию сзади за волосы и так запрокинул ей голову, что даже вырвал пучок. Эти волосы потом мы обнаружили на полу. Возможно, жертва кричала, а может, и не успела отреагировать. Никто из соседей ничего не слышал. Одним уверенным ударом лезвия ты рассек ей шею от уха до уха, перерезал левую сонную артерию и трахею. Хлынула алая струя. Кухня залилась кровью, одежда насквозь пропиталась. Марии хватило времени для осознания, что она умирает, но сделать она уже ничего не могла. Она видела, как фонтанирует из шеи ее собственная кровь, забрызгивая стену и мебель. Она задыхалась и захлебывалась кровью, попавшей в поврежденную трахею, в глазах читался страх и безысходность. Она металась по кухне, сдавливая руками рану на шее. А ты стоял и наслаждался. Когда ее муки закончились, она перестала биться в агонии и упала на пол, ты склонился

над ней, чтобы завершить свой обряд. Открыл рот, достал ее язык и отрезал одним движением. Потом ты оставил послание. Ты обмакнул язык в лужу крови, как художник обмакивает кисть в краски, и вывел на дверцах мебели: “ТЫ СВОБОДНА”. А после, как ненужную больше вещь, выбросил его в мусорное ведро. Затем ты вложил в руку убитой сувенирные весы, которые принес с собой. Что это? Подарок, подпись, подсказка? Зачем? Что за извращенный ритуал? Что ты хотел этим сказать? Кому это послание: жертве или кому-то еще? Чью душу и от чего ты освободил таким кровавым способом?»

Максим вернулся в гостиную и в изнеможении плюхнулся в кресло. Его пробирала дрожь, он был вымотан физически и морально. Он ощущал усталость, ноги и руки ломило, голова раскалывалась. Закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, он в воображении переместился на Жижицкое озеро, в чистых водах которого есть улов на любой вкус и где Максим любил забрасывать удочку. Он хотел оказаться сейчас где угодно, но только не здесь, в месте, где было совершено преступление и пахло смертью.

Раздался звонок, Макс вздрогнул. Достал из кармана телефон, на экране высветилось лицо капитана Колесникова.

– Есть новости? – с надеждой спросил Медведев.

– Макс, пришел протокол заключения анализа волоса, взятого с края раны у Образцовой.

– И? Есть ДНК?

– Образец оказался малоинформативным, ДНК выделить не удалось. В описании какая-то ерунда, понятно только, что волос принадлежит женщине.

– Значит, шерше ля фам, – задумчиво проговорил следователь.

– Еще кое-что.

– Не томи, говори.

– Образцова на протяжении последней недели неоднократно и безуспешно пыталась связаться по сотовому с одним и тем же абонентом.

– Кто это?

– Врач тибетской медицины, профессор Дон-гин-доо Жар-гал, – произнес по слогам Денис.

– Скажи еще, что это женщина с черными волосами? – с надеждой в голосе спросил Максим.

– Судя по фото в интернете, да. Врач работает в центре восточной медицины «Тибет». Со слов дочери Образцовой, погибшая наблюдалась там по поводу болей в спине. Два раза в год проходила курс иглорефлексотерапии.

Максу на мгновение стало легче.

– Сначала разберемся с анализом волоса. Встречаемся в лаборатории. Потом навестим доктора.

В экспертно-криминалистическом учреждении шестьдесят процентов сотрудников составляли женщины, треть из них находились в декретном отпуске. Все больше представи-

тельниц слабого пола встречалось в этой профессии. Майор Медведев по долгу службы не раз посещал криминалистическую лабораторию, с некоторыми экспертами доводилось совместно работать, некоторых он знал только заочно.

Максим и Денис зашли в отдел по исследованию волос и волокон. На рабочих местах находилось четверо сотрудников.

– Милые дамы, здравствуйте! Рад вас всех видеть, – нежно сказал Медведев.

Макс обладал врожденным обаянием, что притягивало противоположный пол. Все четыре пары глаз устремились на следователей, и женщины расплылись в улыбках. Особенно оживилась Аллочка, молодая сотрудница, большая сплетница, вечно находящаяся в поисках достойного кандидата для замужества.

– Ирина Михайловна, мы по вашу душу! У нас возникли вопросы по делу Образцовой. Поможете нам разобраться? Нам без вас никак! – игриво спросил следователь Медведев.

Не теряя ни минуты, Аллочка тут же встала из-за стола, кокетливой походкой прошлась между мужчинами и направилась к кулеру с водой. Медленно наклонилась прямой спиной, демонстрируя свою соблазнительную пятую точку в короткой юбке и длинные ноги на высоких каблуках. Набрала стакан воды, затем так же кокетливо вернулась на рабочее место. Данное позирование не могло остаться незамеченным остальными. Денис стоял с глупым выражением ли-

ца, раскрыв рот.

– Да, хорошааа! – окинув взглядом Аллочку, сказал Максим вслух. – Хороша сегодня погода, жарко, – быстро поправил он себя. – А у вас прохладно. Кондиционеры творят чудеса.

Судмедэксперт Ирина Михайловна просмотрела коллекцию конвертов с образцами вещественных доказательств, отыскала нужный пакетик с номером дела Образцовой и извлекла из него вещдок.

– Так, нашла. Для анализа мне был предоставлен вот этот единственный волосок. Наш образец каштаново-рыжего цвета, длиной восемнадцать сантиметров, слегка изогнутый, местами окрашенный черной краской. К сожалению, волос выпал естественным путем, его не выдергивали, вследствие чего нет луковицы.

– Следовательно, нет ДНК, – сказал капитан Колесников.

– Да, верно. Нет на корне клеток эпителия, нет ДНК.

Максим и Денис огорченно переглянулись.

– Но кое-что есть. Давайте вместе посмотрим под микроскопом, так будет нагляднее. – Она настроила окуляр микроскопа. – Взгляните.

У микроскопа было два окуляра, так что Максим и Денис могли рассматривать одновременно. Перед ними был всего лишь волос, внутри которого имелись пузыри.

– А что это за пузыри? – спросил Денис. – Какая-то патология?

– Это аномалия волосяного покрова стержня, называется «bubble hair», что дословно означает – пузырьковые волосы, приобретенная деформация, вызванная внешними факторами. Это, конечно, не ДНК. Но, думаю, в суде можно будет использовать в качестве косвенной доказательной базы. Жаль, что у нас нет волос с трупа Соколовой для сравнения.

– Чем может быть вызвано такое состояние волос? Какими факторами? – спросил Максим.

– Температура. Поскольку мы установили, что волос принадлежит женщине, то такими внешними факторами могут быть фен, плойки, утяжки. Во время воздействия горячим воздухом, высокими температурами повреждается кутикула волоса, на ней возникают трещинки и отверстия.

Судмедэксперт принялась объяснять, как вдруг ее перебила Аллочка, все это время внимательно слушавшая и не сводившая глаз со следователей.

– Это когда утюжком с температурой двести двадцать градусов, да по влажным, плохо просушенным волосам, еще и без косметики. Вода в волосах закипает и размягчает кератин, в котором пар, расширяясь, образует крошечные пузырьки. Волосы обязательно обломятся и с трудом потом восстанавливаются, – манерно ломаясь, выговорила Аллочка.

– Спасибо, Алла! – не скрывая недовольства, сказала Ирина Михайловна.

– Выходит, наша неизвестная – это женщина, перекра-

шенная в брюнетку, с прямыми и ломкими волосами, которая злоупотребляет феном или плойкой, – сказал Максим.

– Совершенно верно.

Получив всю необходимую информацию, следователи покинули криминалистическую лабораторию. А тем временем любопытная Аллочка спросила.

– Кто это? Майор очень симпатичный.

– Майор Медведев и капитан Колесников, – ответила Ирина Михайловна.

– Тот самый Медведь, который развелся с женой после десяти лет брака?! Слышала, у них никак не получалось завести детей.

– Я удивляюсь вашей осведомленности. Вы всего лишь четыре месяца здесь работаете, а уже в курсе таких нюансов.

– Да, интересный экземпляр, – задумчиво сказала Аллочка.

– Надеюсь, это вы про образец, который у вас под микроскопом, – осадила ее Ирина Михайловна.

Медведев и Колесников уже пятнадцать минут плелись по дорожным пробкам. Клиника восточной медицины «Тибет» пряталась между офисными строениями в центре Москвы. Центр пользовался большой популярностью среди людей, приверженных нетрадиционным методам лечения. Основными направлениями клиники были неврология, остеопатия, массаж и рефлексотерапия. Рекламные баннеры, вы-

ставленные возле здания, обещали, что применяются только натуральные фитосборы по древним рецептам тибетских и бурят-монгольских эмчи-лам, а также призывали пройти астрологическую консультацию у тибетского ламы.

Возле стойки администрации следователей встретила приветливая молодая девушка.

– Мы рады вас приветствовать в нашей клинике восточной медицины «Тибет». Вы записаны к конкретному врачу, или я могу вам чем-то помочь? Первая консультация врача бесплатная. Вы впервые у нас?

– Да. Нас интересует... – Денис достал свой маленький блокнот с записями и по слогам произнес трудно выговариваемую фамилию и имя врача: – Профессор Дон-гин-до-о Жар-гал.

Администратор открыла расписание врача на компьютере.

– К сожалению, сегодня профессор вас принять не сможет, полная запись. Мы можем рассмотреть другие даты? – с дежурной улыбкой ответила она.

– Мы настаиваем, – с улыбкой сказал в ответ Денис и протянул удостоверение. – Мы по очень важному вопросу, думаю, доктор найдет для нас время.

Глаза девушки от удивления округлились, она немедленно удалилась. Через пять минут в фойе вышла растерянная женщина в белом медицинском халате, маленького роста, лет шестидесяти, с испуганными глазами-угольками.

Она была жгучей брюнеткой с жесткими прямыми волосами, подстриженными под мальчика. Выступающие скулы, уплощенное лицо, сильно выраженная складка верхнего века у внутреннего угла глаза, заметно прикрывающая слезный бугорок, – все говорило о том, что перед ними представительница монголоидной расы.

– Профессор Донгиндоо Жаргал? – все еще подсматривая в свои записи, спросил Денис.

– Да.

– Я старший следователь майор Максим Медведев, а это капитан Денис Колесников. Мы из отдела по расследованию убийств.

Они протянули свои удостоверения. Она даже не взглянула на них, застыла на месте и встревоженно спросила:

– Ой, из отдела убийств... Надеюсь, ничего плохого с кем-либо из моих близких?

– Нет, мы по поводу вашей пациентки, Марии Образцовой.

Толпа любопытных зрителей начала собираться возле них.

– Мы можем продолжить разговор наедине? – тихо спросил Медведев.

– Да, лучше... лучше пройдемте в мой кабинет. – Затем она обратилась к администратору: – Пожалуйста, предупредите следующего пациента о задержке приема.

Молча они направились по коридорам клиники, дошли до

двери, где висела табличка:

*Врач тибетской медицины, клинический профессор
Донгиндоо Жаргал*

Терапевт, фитотерапевт, рефлексотерапевт

Максим и Денис профессиональным взглядом быстро провели мимолетный визуальный осмотр помещения, оценивая личность его владелицы. На рабочем пространстве царил беспорядок: документы, медицинские карты, книги, ручки были хаотично разбросаны по всей поверхности стола. По краям компьютерного монитора торчали приклеенные разноцветные стикеры с записями. Среди этого бардака, заваленная бумагами, стояла декоративная статуэтка Будды из латуни. Тибетский идол находился в позе лотоса, в позиции абхая-мудры «Бесстрашие». Вытянутая правая рука мудреца согнута в локте на уровне груди, открытая ладонь с прямыми сжатыми пальцами развернута наружу. Этот известный жест символизирует, что учение Будды несет добрые намерения, защищает, избавляет от страха, дает уверенность.

Доктор заняла свое рабочее место и, немного успокоившись, спросила:

– Так что с Марией Образцовой?

– Ее убили в прошлый четверг в собственной квартире, – ответил Денис, присаживаясь напротив.

– Какой кошмар!

– Она пыталась с вами связаться, звонила, вы не отвечали.

– Я была в отпуске. Только вчера прилетела из Улан-Батора, навещала близких. Стараюсь хотя бы в отпуске немного отдохнуть и не отвечаю на телефонные звонки пациентов. При возникновении вопросов, при острой ситуации они могут обратиться непосредственно в клинику или к моим коллегам.

– Когда в последний раз Образцова была у вас на приеме?

– Сейчас скажу. – Врач открыла информационную базу данных, пощелкала мышью. – Вот, в феврале этого года она проходила курс лечения.

– Какие у вас были взаимоотношения с ней? Что вы можете сказать про нее, какой она была? – спросил следователь Медведев.

– Доверительные. Как между врачом и пациентом, не более того. Она была дисциплинированным пациентом, выполняла мои рекомендации, терапия шла с положительным эффектом.

– Может, она с вами делилась подробностями из личной жизни, была чем-то обеспокоена?

– Нет, я не обсуждаю с пациентами ни свою, ни их личную жизнь. Разговоры только о состоянии здоровья.

– А в прошлом году в это же время, в июне, где вы находились? Помните? – продолжал спрашивать майор.

– Конечно помню. Я каждый год улетаю на родину в конце мая. У моего сына день рождения третьего июня. Большинство родственников там... К чему эти расспросы?

– А Наталья Соколова тоже ваша пациентка?

– Соколова? Не помню такую... сейчас посмотрим. – Доктор проверила информацию по компьютеру. – Нет, у меня нет пациентов с такой фамилией. А при чем здесь Соколова? – в недоумении спросила доктор.

– Она тоже убита, прошлым летом. Мы расследуем эти два преступления, – ответил капитан Колесников.

– Ужас!

– Может, в поведении Образцовой вас что-то настораживало? Было что-то странное, не помните? – все продолжал задавать вопросы Медведев.

– Нет, ничего такого не припомню. Меня ждут пациенты. Мне нечего вам больше сказать.

– Вот, – Денис положил визитную карточку на стол. – На случай, если что-то вспомните важное.

Было очевидно, что врач не имеет никакого отношения к убийствам. Выйдя из кабинета, Максим обратился к Денису.

– И все-таки надо проверить ее алиби.

Глава 4. Вероника

Редко когда вся семья Калининых, включающая в себя Маргариту, Веру и Нику, оказывалась в полном сборе дома. У всех был разный график работы, выходные дни не всегда совпадали. Марго работала медсестрой в больнице в отделении анестезиологии и реанимации. Работа была суточная, но часто приходилось брать дополнительные смены, подменяя болеющих или находящихся в отпуске коллег. Рабочие дни были ненормированными, труд – тяжелым и сложным. Но трудностей Маргарита не боялась, ей это было в радость.

Семья жила неплохо, в достатке. Деньги нужны всегда, и лишними они никогда не бывают. Дочери тоже работали, чтобы удовлетворить свои потребности и нужды, стараясь финансово сильно не обременять мать. Вера, будучи официанткой, благодаря своей внешности и умению расположить к себе клиентов, получала щедрые чаевые. Денежки у нее долго не задерживались. Она их быстро растрачивала на свои развлечения и хотелки. На все то, что так любят красивые и молодые девушки, а именно красивые вещи, трендовая одежда, туфельки и сумочки, косметика и духи. Ника же, напротив, не была транжиркой. Лишь часть зарплаты медсестры и заработок от капельниц и уколов на дому она тратила на свои увлечения и курсы по приобретению творческих навыков. Остальные деньги откладывала на реализацию своих

мечтаний.

Жили они в трехкомнатной квартире, которая по наследству перешла от умершего мужа к Маргарите. У каждой была отдельная комната. Такое решение они приняли, чтобы не нарушать личного пространства друг друга. Марго как единственный главный член семьи жила в самой большой комнате, которая еще служила и гостиной. Чтобы хватило места на гардероб модницы, Вере досталась средняя по площади комната. А маленькая уютная комнатка принадлежала Нике.

В разные периоды жизни у Ники были разные хобби. Она всегда стремилась постичь неведомое, ее тянуло к новым знаниям и умениям. Исследовав немного один род деятельности, она тут же хотела попробовать себя в чем-то другом. Ее увлекал процесс изучения. В целом за что бы ни бралась Ника, будь то рукоделие, рисование, фотографирование, флористика, пение, у нее все получалось легко. Ее интересовало творчество, когда можно в уединении создавать что-то своими руками, не отвлекаясь на суету шумного мира. Еще учась в медицинском колледже, она поняла, что совершила ошибку, выбрав профессию в угоду матери. Ника думала, что полюбит свою работу, привыкнет, смирится, но с каждым разом все больше разочаровывалась. Сейчас ее интерес был направлен на освоение кулинарного искусства. Ей нравилось готовить, она получала положительные эмоции как от процесса приготовления пищи, так и от ее смакования. Будучи заядлой сладеной, она любила рецепты вы-

печек и тортов. Чаще всего она готовила для дома, иногда угощала своих коллег. Никины блюда не оставляли никого равнодушными. Только у матери сохранялось предвзятое отношение, и новое хобби дочери воспринималось как пустая трата времени.

Ника встала раньше всех, хотела сделать приятное и удивить своих близких. В холодильнике было много яблок. Не задумываясь, она быстро отыскала на просторах интернета новый рецепт выпечки. Выбор пал на цветаевский пирог. По легенде, такой пирог был частым угощением за столом сестер Цветаевых, откуда и пошло название. Считая скучным есть каждый день картошку, гречку, макароны, она уже придумала, что будет на обед и ужин. Тривиальная еда быстро надоедала и не вдохновляла Нику. Ей нравились более изысканные, многокомпонентные блюда или нестандартные сочетания продуктов. Совместное времяпрепровождение в семье Калининых часто заканчивалось скандалом. Ника в надежде избежать очередной ссоры в общий выходной день хотела с помощью вкусной трапезы поднять всем настроение и сблизить домочадцев.

Вся семья собралась за завтраком на кухне.

– Что за херня?! – злобно сказала Марго, глядя на пирог.

– О, утро начинается как всегда... мама опять встала не с той ноги, – закатывая глаза, ухмыльнулась Вера.

– Почему херня. Это цветаевский пирог, – растерявшись от такой реакции матери, сказала Ника. – С яблоками. По

преданию...

– Опять переводишь продукты! Делать тебе нечего! – грубо перебила ее Марго. – Тратишь деньги на всякую ерунду.

– Все необходимое я купила за свои деньги. Мама, сначала попробуй, он должен быть вкусным, – оправдываясь, ответила Ника.

– Тебе ли булки и пироги есть? Ты себя в зеркало видела? Если так и дальше пойдет, ты скоро в дверь не пройдешь. Так замуж не выйдешь! Неужели не понимаешь, что ты на любителя! Лучше бы фитнесом занялась, если у тебя так много свободного времени, польза бы была, – не выбирая выражений, продолжала говорить Маргарита.

Ника обиделась, но пыталась не подавать виду. Слова матери, относящиеся к ее внешности, зацепили ее.

– А на обед я хотела приготовить... – не поднимая глаз от тарелки, неуверенно начала говорить Ника, но мать ее снова перебила:

– На обед можно макаронами обойтись или картошку отварить с сардельками. Я там купила вкусные, сочные, – практически распорядилась Марго.

Вера заметила, что слова матери причинили боль Нике. Она решила ее поддержать.

– Пирог – пальчики оближешь!

– А ты бы помолчала! Не помню, когда ты в последний раз к плите подходила. Как ты собираешься семью кормить? И убери ногу со стула, сядь нормально! Что за привычка с

телефоном за едой сидеть.

– Готовить я не люблю, а у Ники это хорошо получается. Сейчас нет проблем, все, что хочешь, можно заказать на дом или пойти в ресторан, – отложив в сторону телефон, сказала Вера, понимая, что теперь гнев матери перенаправлен на нее.

– Денег не хватит так питаться. Вообще, палец о палец в доме не ударишь! Ты же девочка. Сделай уборку в своей комнате! Развела хлам и бардак! Смотреть невозможно! Только гулянья на уме, да перед зеркалом крутиться, – не переставала ругаться Марго.

– Не нравится – не смотри! Не заходи ко мне! Меня мой беспорядок устраивает, – повышая тон, сказала Вера матери. Взяла телефон, демонстрируя, что не желает больше с ней разговаривать.

Марго повернулась к Нике.

– Видела нашего соседа Порфирия Олеговича. Пойдешь к нему домой и сделаешь внутримышечный укол. Я ему обещала. Он ждет тебя сегодня после обеда, – в приказном тоне сказала Марго младшей дочери.

– Фу, я не хочу. Он мне не нравится. Мне кажется, он подкатывает ко мне, – ответила Ника.

– И что? – вытаращив глаза, сказала Марго. – Присмотрись к нему! Он мужик холостой, умный, обеспеченный, с квартирой. Занимает хороший пост в мэрии, – подняв указательный палец вверх, сказала Марго.

– Ма! Он твой ровесник, он мне в отцы годится. Он про-

тивный и зануда. И вообще, я не хочу видеть его уродливый зад.

– Какая разница, как выглядит его зад. Тебе воды с него не пить. – Марго на секунду замерла, а потом, оставшись довольна получившимся каламбуром, закончила: – Главное, что он, в смысле Порфирий, за это хорошо доплачивает.

– Порфирий, имя какое дурацкое. Зачем ей этот больной старпер с уродливым задом? Если он такой замечательный, чего до сих пор не женился? – не смогла не вмешаться в разговор Вера.

– Он не больной. Он следит за своим здоровьем, прокалывает витамины два раза в год.

– У меня были другие планы, – огорченно сказала Ника, понимая, что визит к соседу неизбежен, так как спорить с матерью бесполезно. Та уже за нее решила и пообещала.

– Какие у тебя планы?! Сидеть дома, в комнате. У тебя даже друзей толком нет.

– Возможно, у меня мало друзей, но это не мешает мне наслаждаться жизнью, – сама не ожидая от себя, возразила Ника матери.

– Оглянись! Эта жизнь проходит мимо тебя.

– У меня тоже свои планы, поэтому на ужин не ждите. Иду гулять, – сказала Вера, желая скорее уйти.

– Опять со своим Тимуром! Видела я его, ничего особенного. Он наиграется тобой и бросит, как все другие. Не хватало мне еще, чтобы ты в подоле принесла! Смотри у меня!

– Да пошла ты, – пробормотала себе под нос Вера.

– Ты что-то сказала? Чтобы к десяти дома была! – прокричала Марго.

– Между прочим, ты съела целых два куска этой херни, как ты ее назвала, – встав из-за стола, сказала Вера, осадив мать.

Марго схватила грязную посуду и принялась рьяно ее мыть. Ника, расстроенная, пошла в свою комнату.

Все Никины планы на приятное времяпрепровождение в кругу семьи рухнули. Сидя в комнате, она размышляла над обидными словами матери. Друзей у нее и вправду было мало. Да и друзьями их назвать нельзя, так, хорошие знакомые. Посвящать их в свои сложные отношения с матерью она не хотела, стыдилась. Но излить душу, посоветоваться, найти ответы на свои вопросы, получить поддержку было необходимо. Она нашла выход из этой ситуации – можно делиться с другими, оставаясь при этом анонимной. Существовало много тематических форумов для общения с другими пользователями интернета. Выбор был велик: форумы на темы «токсичная мать», «плохие отношения с мамой», «мать как мачеха» и многие другие. Ника зарегистрировалась на одном из таких.

Долго придумывать никнейм для чата не пришлось. Еще в детстве, когда папа Ники обращался к дочерям, он звал их всегда вместе: «Вера, Ника». Получалось на слух Вероника, как одно объединенное имя. Отец не разделял сестер, дарил

одинаковые игрушки, играл с ними вместе, брал их куда-то с собой всегда вместе. Сестренки воспринимали себя как одно целое. Если девочки озорничали, то он говорил: «Кто это сделал, Вера или Ника? Кто плохо себя ведет, кого наказать: Веру или Нику?» Девочки не сознавались. Он снова спрашивал в надежде найти проказницу: «А кто это?» А девочки в ответ кричали: «Это Вероника!» Как будто это вымышленная, другая девочка и они здесь ни при чем. Сестрам нравилась такая игра. Они ловко пользовались именем Вероника как им было удобно, то воспринимая себя одним целым, то вымышленным персонажем.

Ника забралась в кровать, расположилась удобнее и взяла планшет. Этот неодушевленный предмет был отдушиной. Она держала его как спасательный круг. Она набрала свое имя, ВЕРОНИКА, сделала пару кликов мышью и попала в чат. На экране высветились знакомые прозвища невидимых людей, стремящихся излить свою боль, найти спасение в интернете, не опасаясь быть опознанными. Она просматривала сообщения, которыми обменивались собеседницы. Редко что писала сама, больше читала переписку других. Рассказы были так глубоки, эмоциональны, что ей казалось, будто она слышит их голоса. Голоса таких же, как она, травмированных дочерей с затравленными душами.

ПРОСТО МАРИЯ: Не поверите, мне тридцать два года, а мать меня воспринимает как ребенка. Я с этим монстром живу в одной квартире с тех пор, как умер мой папа. Она ни-

когда и ничем довольной не бывает. Она настаивала, чтобы мы жили вместе, да и я не смогла оставить ее одну. Мы переехали вместе с моей дочкой, мужем к ней, хотя было где жить отдельно. Она не скрывает неприязнь к моему мужу, питаемся отдельно, бесконечно скандалы.

РАНЕНОЕ СЕРДЦЕ: Переезжайте в другой район, а лучше в другой город. Ой, чем дальше, тем лучше.

ПРОСТО МАРИЯ: Съехать теперь не можем, мою квартиру сдаем, я в декрете, надо на что-то жить.

ОЛЬГА545: А моя мать конфликтует на пустом месте. Скандал может вырасти из чего угодно, из ерунды. Она не хочет слушать. Говорить, беседовать с ней невозможно. На людях она не показывает, что у нас проблемы в отношениях. А когда мы вдвоем, все время орет и заставляет делать, как она хочет. Ведет себя как эгоистка. Мои планы на жизнь ее не устраивают. Я потеряла уверенность в себе, она подавляет меня. Большие всего боюсь стать похожей на нее.

РАНЕНОЕ СЕРДЦЕ: Прекратите с ней общаться, и все. Как шелковая станет, помяните мое слово.

ВЕНЕЦ НАДЕЖДЫ: Девочки, у вас цветочки! Уроки я делала, трясясь от ужаса и страха: то мой почерк не нравился, то за четверку она могла меня ударить. Она рвала тетради и заставляла переписывать до изнеможения. В меня летели книги, все, что попадалось под руку. Она драла мне волосы, сколько массажных расчесок об мою голову она сло-

мала. У меня оставались синяки. Грозилась меня удавить, если я кому-то расскажу. А противнее всего – наберет полный рот слюней и харкнет мне в лицо... А сколько оскорблений и унижений я вытерпела. Сколько проклятий я слышала в свой адрес... В двадцать лет я ей впервые дала отпор. Залепила ей оплеуху в ответ на ее побои и пожелала ей сдохнуть. Так она орала, угрожала, что повесится и напишет записку, что в ее смерти виновата я... Я долго не могла понять, почему я так ненавистна ей. Вначале я искала проблему в себе, а потом, я поняла: дело не во мне. Свою злость и несостоятельность, неудовлетворенность от всей своей жизни она вымещала на мне.

ГОСТЬ 343: Такие мамы обесценивают личность, подавляют своим авторитетом, манипулируют и предъявляют завышенные требования. Доказать им, что они не правы, что они виноваты, нереально.

РАНЕНОЕ СЕРДЦЕ: Я даже думала походить к психологу... Нет, это не нам, а таким матерям-монстрам надо к психотерапевту.

Как много дочерей, уже даже взрослых женщин, которые сами уже были мамами, кричали от страданий и кровоточили ранами отчаяния. Ника, поняв, что она не одинока, что ее отношения с матерью не самый худший вариант, немного успокоилась. Отложила планшет и начала собираться. Приближалась пора идти к ненавистному соседу Порфирию Олеговичу. Как бы она этому ни сопротивлялась, она была вы-

нуждена сделать это. Ведь велению матери она не могла противиться.

Глава 5. Бабочки в животе

Отношения между Верой и Тимуром только начинали зарождаться. Большую часть времени они проводили на работе в ресторане. Избегая слухов и сплетен, на глазах коллег Тимур был сдержан и не подавал вида, что яркая кокетка Вера ему симпатична, и долгое время скрывал свое влечение. Ему не хотелось, чтобы из-за особенного отношения к ней пострадала его репутация строгого администратора и расшаталась дисциплина в коллективе. Рыжеволосая красавица не выходила у него из головы, его настораживало ветреное поведение Веры, но он больше не мог сопротивляться законам природы. Начав встречаться, они договорились не позволять себе вольностей на работе, никаких сюсюканий и прикосновений. На работе они коллеги, он управляющий, она его подчиненная. А наедине они могут быть самими собой, не стесняться проявлений своих чувств. Пылкие взгляды и огонек в глазах влюбленных скрыть от любопытных коллег не удалось, как они ни старались. По ресторану давно уже распространились слухи об их взаимоотношениях.

Вера наслаждалась встречами с Тимуром. Ей было с ним так хорошо и легко, что проблемы с матерью отошли на второй план. Они в обнимку гуляли по Коломенскому парку, обходя центральные дорожки, находя более безлюдные места. Веру, знающую этот парк как свои пять пальцев, удивля-

ло открытие новых, неведомых доселе троп. С ним она вообще на многое смотрела по-новому. Он был интересным собеседником, серьезным и вдумчивым мужчиной, у которого на первый план выходили карьерные достижения и общественное положение. Он был на пороге тридцатилетия, довольно солидного возраста, но еще не совсем зрелого. Внешне он соответствовал своему возрасту: стройный, симпатичный молодой человек, одевающийся по моде. Разве что глубокая морщинка между бровями придавала его лицу излишнюю серьезность. Ну и целеустремленность, начитанность, умение безупречно держаться делали его старше своих лет.

При нем Вера становилась более покладистой и спокойной, характер выравнивался. Он не делал ей замечаний, он не указывал на ее недостатки. Тимур ласково называл ее Лисенком, но не потому, что она рыжая или хитрая. Вера не была хитрой. А как он сам объяснял, потому что, как лиса, изящная, женственная, уверенная в себе, готовая и укусить, если надо. Находясь рядом с Тимуром, она сама хотела соответствовать ему, такому сдержанному и спокойному. С его подачи ей верилось, что она найдет путь к чему-то лучшему в этой жизни. Тимур был для нее лучиком, путеводителем по жизни. Чем больше она его познавала, тем ярче и больше наполнялась светом ее душа. Другие мужчины воспринимали ее как желанную игрушку. Отдаваясь разврату и потехам, насытившись ее красивым телом, быстро забывали и переставали интересоваться. Они не замечали ее саму, ее сущ-

ность не волновала их.

Нагулявшись вдоволь, они проголодались и заглянули в кафе. Было очень шумно и многолюдно. Обнаружив единственный свободный столик не в самом подходящем месте возле туалета, Тимур предложил уйти. Но чувство голода давало о себе знать, да и кафе было настолько уютным, что они решили остаться и расположились напротив друг друга на мягких диванчиках. В скором времени им принесли заказ.

– Лисенок, я заметил, ты сегодня чем-то огорчена. Грустная. Дома все хорошо?

– А, поругалась с мамой. Забей, – отмахнувшись, сказала Вера, затем поправила себя: – Все нормально, как обычно, не стоит переживаний.

– Может, я могу чем-то помочь? Я бы не хотел вмешиваться в ваши взаимоотношения, но если необходимо поговорить ...

– Нет, не надо, – отрезала Вера.

– Рано или поздно встреча с твоей мамой все равно должна состояться. Ты не хочешь меня показывать? Ты этого не хочешь?

Вера вспомнила слова матери о Тимуре.

– Хочу, очень хочу. Просто сейчас не самое подходящее время для этого.

– Знай, я готов.

Тимур открыл пакетик с сахаром, насыпал его в чашку с кофе, долго размешивал ложечкой и отдал Вере. Затем про-

делал то же самое со своим кофе. Он поступал так всегда, будь это обертка от мороженого, бутылка с водой. Сначала ей, а потом себе. А Вере этот жест внимания и заботы очень нравился. Понимая, что разговоры о матери для Веры болезненны, Тимур поменял тему.

– Ты смелая? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Я уверен, ты смелая и боевая. Как насчет прыгнуть с парашютом?

– О, нет! – Вера рассмеялась. – Не настолько.

– Я тоже пока не решаюсь, – улыбнулся Тимур. – Может, начнем с малого? Полетаем вместе в аэротрубе?

– Прикольно! – Ее глаза заблестели. Вера снова себя поправила: – Мне кажется, это более безопасно и интригующе.

– Значит, договорились. В следующий общий выходной летим.

– А ты уже пробовал? – спросила Вера.

– Нет. Для тебя, как и для меня, это будет впервые. Хочу ощутить эти эмоции с тобой.

– Я думала, мы пойдем на Клода Моне.

– Не думал, что тебя это увлечет.

– Ты так много про него рассказывал, что мне стало интересно... – Вера сделала серьезное лицо и начала, как ученица у доски, рассказывать выученный урок: – Моне – отец импрессионизма. Он прошел долгий путь от насмешек и нищеты до всемирного признания. Обожал свой сад в Живер-

ни, его вдохновляли цветы, пейзажи, но и жен, детей он тоже рисовал. Был дважды женат. Первая жена умерла от туберкулеза, осталось двое сыновей. Вторую он взял с шестью детьми, но она потом тоже умерла. У него была катаракта на обоих глазах, даже после операций он не переставал рисовать. Некоторые его полотна стоят миллиарды. Его имя стало брендом, в честь него до сих пор называют рестораны, салоны красоты и многое другое.

– Ты так внимательно меня слушала, – смущенно опустив глаза, сказал Тимур. – Значит, решено: пойдем на его выставку тоже.

Он встал, сел рядом с ней на диванчик, обнял ее нежно.

– Лисенок мой внимательный. Лисенок любит слушать, – сказал Тимур, смотря в ее зеленые глаза, поправляя локон, выпавший из прически.

Они молча сидели в полной идиллии, их руки и ноги сплелись как ветви деревьев. Только посетители кафе, направлявшиеся в уборную, беспокоили Тимура. Мужчины всех возрастов, рас и мастей, проходя мимо них, не отводили масляных взглядов от Веры. Их даже не смущало, что девушка была не свободна и сидела не одна, они не скрывали своих грязных желаний. Сама Вера почувствовала волнение Тимура. Он больше не мог этого терпеть. Он оплатил счет и молча направился к выходу. Вера поспешила за ним.

– Подожди, ты очень быстро идешь. Что случилось? Я что-то сделала не так?

Он резко остановился. Она поравнялась с ним. Глаза их встретились.

– Я должен... должен знать... Ты моя? – собравшись с духом, спросил Тимур.

– Конечно, я твоя. Твой Лисенок, – глядя его по волосам, улыбаясь, сказала Вера.

– Нет! Ты не поняла, Вера... – вздохнул Тимур. – Я должен понимать...

Она все хорошо понимала.

– Я твоя и только твоя, – ответила Вера и закрепила свои слова поцелуем.

Вернувшись, на пороге дома Вера встретила удивленных мать и сестру. Марго посмотрела на часы: без пяти десять вечера.

– Что-то случилось? Все нормально? – спросила Ника, переглядываясь с Марго.

– Зашибись, сестренка, – с улыбкой сказала Вера.

– Вот это да. Первый раз пришла вовремя, – сказала Маргарита.

– Ты опять недовольна?

– Довольна, просто поражена. Я не пойму, ты пьяна? – присматриваясь к дочери, спросила Маргарита.

– Трезвая я. – Вера дыхла матери в лицо в подтверждение.

– Мама, ты не видишь? Да, она пьяна от любви, – хихикнув, сказала Ника.

– Тимур сказал, что не надо расстраивать маму. Сказано – к десяти быть дома, значит, к десяти, – сказала Вера. – Он хороший, а ты не хочешь с ним знакомиться.

– Все равно это ничего не решает. Один раз это не считается. Его мне здесь еще не хватало, – размахивая руками, пробормотала Марго и ушла в свою комнату.

Лежа в кровати, Вера думала о Тимуре, о прошедшем дне. На столе возле окна в вазе стояла алая роза, подаренная им. Ей столько раз дарили огромные красивые букеты. Но эта одинокая роза, одна сторона которой освещалась светом от уличного фонаря, а другая оставалась в тени, была прекраснее всех. Так в тени оставалось и ее будущее с ним. Что ее ждет дальше, она не знала, но жизнь начинала обретать смысл. Эта неизвестность будоражила и возбуждала ее. Под порханье крыльев бабочек, которых в ее животе становилось день ото дня все больше, она уснула.

Глава 6. Марго

Дни проходили, сменяя один другим. Как-то, возвращаясь домой после суток на работе, Маргарита увидела недалеко от дома главную сплетницу двора бабу Маню. Та считала, что день прожит зря, если она не перемолола кому-то кости или не разузнала про соседей что-то пикантное. Воспользовавшись моментом, когда старушка повернулась к ней спиной, Марго резко изменила маршрут, чтобы незаметно проскользнуть к подъезду. Но мимо бабы Мани муха не пролетит, да и мышь в норку к себе ничего не затащит.

– Ой, Вера, Верочка, – закричала вдогонку баба Маня, жаждающая поговорить.

Маргарита оглянулась, понимая, что избежать разговора не удастся.

– Здравствуйте, баба Маня! – сказала Маргарита.

– Ой, Маргарита! Вы с Верой так похожи, обозналась, обе красавицы. А от нее вообще глаз не отвести. Видела ее с новым кавалером под руку, провожал ее. Машина у него хорошая, иномарка. Ничего так, солидный, симпатичный, пылинки с нее сдувает. Хорош, хорош. А она прямо куколка, изменилась, повзрослела, за ум взялась. А младшая у тебя умница, вся в тебя. Порфирий Олегович без ума от нее, говорит, такая рука легкая, что он забывает, как боится укулов. Ника всегда поможет, отзывчивая, добрая девочка. Хо-

рошие они у тебя, работают, помогают, не бездельничают как эти Ивановы из двести семьдесят первой квартиры. Хорошо воспитала, молодец! Дай Бог, Дай Бог! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. А муж, царствие ему небесное, золото был. Сколько уже прошло?

– Пять лет, – с грустью в глазах сказала Марго.

– Ой, ой! Может, замуж выйдешь? Поди, плохо без мужика. Ты ведь баба-то еще хоть куда. Вон я тебя за Верку приняла.

– Я со смены, баба Маня.

– Поди, устала, да?

– Да.

– Я быстро, что спросить хотела-то. Не знаешь, кто ремонт начал у вас в подъезде делать? Вот сволочи, в выходные дни шумели, остатки старой мебели возле мусоропровода оставили. Поди, руки отвالتها, если на улицу в мусорный контейнер отнесут. Ругаться собралась.

– Нет, не знаю. Меня дома-то не бывает.

– Ну, давай, не буду задерживать. Давай, иди, поспи! Больные, поди, тяжелые были, работа в реанимации нелегкая у тебя.

Зайдя в квартиру, Марго разулась, положила сумочку и ключи на столик в прихожей. Надела тапочки, пошла к себе в комнату переодеваться. Дочек уже в доме не было, они ушли на работу. В квартире царили тишина и спокойствие. Но на душе спокойствия не было, скука и тоска одолевали Мар-

го. От ощущения сжигающего одиночества подступил ком к горлу.

Облачившись в домашний халат, Маргарита пошла на кухню перекусить. Работе она отдавала себя полностью и не помнила, когда ела в последний раз. Она не хотела готовить, не было ни желания, ни сил, но желудок сводило. Оставалось лишь на скорую руку сделать яичницу. Открыла холодильник. Приготовленная еда была аккуратно разложена по контейнерам, оставалось только разогреть. На тарелках, накрытых пищевой пленкой, красовалась закуска: колбаса и сыр. Ника постаралась, чтобы мать после смены не утруждалась. Несмотря на голод, Марго захлопнула холодильник. Ком, стоящий в горле, не уходил, аппетит пропал. Это было так тоскливо – есть одной. Она решила занять себя домашними делами, чтобы прогнать грусть. Окинув взглядом квартиру, Маргарита поняла, что везде, кроме комнаты Веры, царил безукоризненный порядок. Требующего стирки грязного белья и глажки не было. Посуда вымыта и расставлена по местам. Ника постаралась избавить мать от домашних дел.

Марго вернулась к себе в комнату, поняв, что делать по дому нечего. Пощелкав пультом и не заинтересовавшись ни одной программой, она выключила телевизор. Ощущение кома в горле нарастало. Жизнь на работе протекала по-другому, кипела, бурлила, Маргарита чувствовала себя там уверенной, нужной, ей восхищались. А дома уверенности не было. Вера не сегодня-завтра выйдет замуж. Ника рано или

поздно тоже. Она останется совсем одна, у девочек будут свои семьи. И даже любящий муж ее тоже покинул и отправился на небеса. Так распорядилась судьба. Нить, связывающая ее с дочерьми, изо дня в день становилась тоньше. Маргарита знала, что девочки смогут прожить без нее. Они выросли, она чувствовала, что все меньше они в ней нуждаются. Ника будет хорошей хозяйкой, с ее спокойным покладистым характером у младшей все сложится хорошо. Вера целеустремленная, боевая, не пропадет и не даст себя в обиду.

Маргарита уронила лицо в ладони от безысходной предсказуемости и определенности ее одинокого будущего. Порой она сама не понимала, чего хочет. Зарыдала диким воплем, дав выход чувствам. Нарыдавшись вдоволь, до состояния, когда горло распухло, а нос перестал дышать, она провалилась в глубокий сон.

Погружаясь в свои страхи, теряя контроль над собой, эгоистка Марго не замечала своих материнских ошибок и опрометчивых поступков по отношению к дочерям.

Глава 7. Выводы Винни Пуха

Прошла неделя после убийства Марии Образцовой. Дело стало громким, благодаря средствам массовой информации. Интернет и некоторые газеты, опубликовавшие заметки о происшествии, пестрили заголовками: «Освободительница душ», «Освобождая души», «Убийца освобождает их души и вырезает им язык», «Освобожденные убийцей». Так разыскиваемая убийца получила прозвище, и теперь даже полицейские называли ее Освободительницей. Такое внимание прессы к этим двум убийствам и излишняя осведомленность граждан могли помешать расследованию преступления. Однако некоторые нюансы, касающиеся почерка убийцы, все же удалось скрыть от пронырливых репортеров. Такие подробности, как вложенная в руку жертв фигурка весов и отрезанный язык в мусорном ведре, остались тайной следствия и не были обнародованы.

Расследование приобрело значительный масштаб. Дело Марии Образцовой объединили с делом Натальи Соколовой. Следственно-оперативную группу увеличили до четырех следователей, не считая возглавившего группу начальника первого отдела, полковника юстиции Михаила Зуева.

Медведев рассматривал следователей, которых собрали за огромным столом для обсуждения личности преступницы. Члены группы были знакомы друг с другом. Ведущим сле-

дователем назначили Медведева. Единственной женщиной в группе была лейтенант Светлана Осипова, натура флегматичная, спокойно реагирующая на выпады мужчин в коллективе. Макс относился к ней с симпатией и уважением, она умела слушать, методично и четко выполняла работу. С напарником Осиповой майором Мухиным Макс когда-то вел одно дело. Этот тщеславный и высокомерный тип любил создавать проблемы. Мухин, как всегда, с ухмылкой на лице, сидел напротив, чем раздражал Макса еще больше. Майор Медведев не был доволен, что придется вести совместное расследование с Мухиным. Надо признать, что неприязнь между майорами была взаимной.

Психолог-криминалист доктор Беркович раздал каждому участнику совещания папку с документами, где был изложен составленный им психологический портрет убийцы. Беркович умел так глубоко проникать в недра разума преступников, что зачастую обнаруживал далеко не чудовищ, а несчастных или психологически травмированных людей, запутавшихся в жизненных обстоятельствах или не оправившихся после душевного потрясения. Внешне он походил на Винни Пуха из советского мультфильма: полнота, костюм темно-коричневого цвета, а самое главное – взгляд его круглых удивленных глаз. Когда он говорил, то создавалось ощущение, что он получает удовольствие от звучания своего голоса, манер, самого себя в целом. Сочетание невинного взгляда Винни Пуха и самоуверенного голоса Берковича

казалось Медведеву противоестественным и действовало на нервы. Он предпочитал либо слушать эксперта, либо смотреть на него.

Полковник Зуев сидел во главе стола, нахмутив брови. Он возлагал на психолога-криминалиста большие надежды, полагал, что ему удастся пролить свет на убийства Освободительницы и сдвинуть расследование с мертвой точки. Поэтому первому он предоставил слово доктору Берковичу. Тем временем Беркович с энтузиазмом начал монотонно излагать детали дела, осознавая, что взгляды всех участников собрания сосредоточены на нем.

– Итак, к каким выводам я пришел, изучая данные расследования. Что мы имеем и что нам известно о нашей убийце, – говорил Беркович, наслаждаясь звуками собственного голоса. – Убийства совершены в утренние часы, примерно между восьмью и десятью часами, когда жертвы собирались на работу, чтобы застать их врасплох. Преступница проникла в дом жертвы без следов взлома. Жертвы сами разрешили убийце войти в свои квартиры, они либо знали ее, либо ждали, либо убийца так располагала к себе, что они ее пустили. Она не сразу их убивает, не на пороге квартиры или в коридоре. Тело первой жертвы найдено в ванной комнате, второй – на кухне. Вероятно, что вначале между убийцей и жертвами происходит разговор. Какой можно сделать из этого вывод? – Беркович посмотрел на следователей.

– Хотела что-то узнать либо выяснить отношения, – пред-

положил капитан Колесников.

– Убийца уже все знает, ей ни к чему пустые разговоры. Доказательств, что жертвы виноваты, у нее предостаточно. Она не собирается ничего выяснять. Ей не нужны подтверждения своих выводов, она не сомневается в правильности своих намерений. Она жаждет высказать жертвам в лицо все, что она о них думает, чего они заслуживают. Она пришла их наказать! Она мстит! И хочет, чтобы мотивы были ясны жертвам, – подняв указательный палец, продолжал говорить Беркович. – Ведь ее не интересуют ни драгоценности, ни деньги. Такой мотив убийства, как ограбление, не подходит. Главное для нее возмездие! Она, как судья, зачитывает им приговор, а затем его исполняет, достигнув наивысшей точки возбуждения, она наносит смертельный удар. Наносит его уверенно и властно. Она перерезает горло жертвы одним движением скальпеля, который, как жезл правосудия, взяла с собой. Преступница считает, что она совершила справедливое возмездие. А после проводит финальный ритуал и оставляет нам свою визитку.

Вероятно, некоторые мои суждения покажутся вам надуманными и не совсем логичными. Но мне видится, что наша убийца отождествляет себя с богиней возмездия Немезидой. На это указывает все перечисленное мной ранее. А также тот факт, что она, как бы намекая, оставляет на местах двух преступлений свою визитку в виде весов. Эта сувенирная безделушка имеет значимый смысл. Весы как символ равновесия,

если вы помните, являлись одним из атрибутов этой суровой богини, которыми она взвешивала плохие и хорошие поступки человека. При перевешивании плохих дел она незамедлительно карала виновного.

– Немезида, хорошее сравнение, ничего не скажешь, – сказал Зуев, смотря на доктора Берковича. – Если она такой борец за справедливость, почитает закон, можем ли мы предположить ее принадлежность к правоохранительным органам?

– Наша убийца не борец за восстановление порядка, она больше выступает в роли вершителя правосудия.

– А к судебной власти? – предположил Медведев.

– Возможно, она хорошо осведомлена в сфере уголовного права. Профессии, связанные с юриспруденцией, с законом, где возможно проявление высшей власти, превосходства над другими, для нее притягательны. Но я бы сказал, что ее больше возбуждает именно роль исполнителя – палача.

Сделав глоток воды, психолог-криминалист продолжил:

– Обе жертвы женского пола. Как вы думаете, за что может наказывать одна женщина другую?

– Из-за мужчины. Любовный треугольник, – сказала Осипова.

– Мне пока не очень видится ревность как проявление мотива убийства. Обиженная женщина, мстя за уведенного мужчину, скорее изуродует лицо сопернице или еще как-то повлияет на ее привлекательность. Нанесет в порыве гне-

ва многочисленные ножевые ранения. А финальный ритуал несет в себе освобождение.

– Может, жертвы болтали слишком много и разболтали ее тайну. Женщины ведь такие, не умеют держать язык за зубами, – сказал Мухин, ухмыляясь. – Вот так она их освободила: и от языка, и от тайны.

Беркович достал из папки фотографии с места преступления, которые разложил на столе перед всеми присутствующими. На одних была заснята убитая Наталья Соколова в ванной комнате, на других – Мария Образцова на кухне.

– Что она делает дальше. Она отрезает им язык. Из заключения судмедэксперта мы знаем, что она это делает после того, как убила жертву. Затем, обмакивая в кровь жертвы язык, оставляет послание – «ТЫ СВОБОДНА». А после демонстративно выбрасывает язык в мусорный ящик.

– А зачем она это делает? – спросил Денис.

– Как продолжение наказания? – предположила лейтенант Осипова.

– Да, это как еще одна форма наказания, – одобрительно покачивая головой, ответил Беркович. – Она отрезает им язык, он больше не нужен. Отношение убийцы к этому органу как к отходам, которые должны находиться там, где им и место, – в ведре. Таким образом, она ставит точку, показывая, что все сказала, и освобождает их. Можно сказать, что сама убийца во власти ритуала, это как одержимость, противостоять которой она не в силах.

– А если бы что-то или кто-то помешали закончить ритуал. Предположим, ее вспугнули, что тогда? – спросила Осипова.

– Хороший вопрос. Это вызвало бы ярость, негодование, крайнюю степень раздражения. Вероятно, незаконченный ритуал приведет к новому убийству с целью удовлетворения своей потребности возмездия или в порыве гнева на себя за совершенные во время убийства ошибки.

Полковник Зуев не перебивал психолога-криминалиста и внимательно всех слушал.

– Меня удивляет интервал между убийствами – целый год. С чем это может быть связано? – спросил Медведев.

– Ищет, выбирает, отслеживает так долго новую жертву? – уточнил капитан Колесников.

– Для меня пока такой длительный период остается загадкой. Это большая редкость, – призадумавшись, ответил Беркович.

– Может, преступница физически не может убивать в это время? Не знаю... находится в местах лишения свободы, в психиатрической больнице на лечении, – сказала лейтенант Осипова.

– А что, маниакально-депрессивный психоз, когда депрессия сменяется эйфорией. Впала в депрессию – убила, получила удовлетворение на год, потом опять депрессия, опять убила, – сказал Мухин, довольный собой.

– Либо она очень терпеливая, чаша ее терпения еще не

переполнена, либо убийца находится в положительном эмоциональном статусе, например в состоянии влюбленности, или источник раздражения отсутствует, – предположил Беркович.

– Будем ждать очередного убийства еще год? – раздражаясь, сказал полковник Зуев. Затем, еще раз глянув на результаты экспертиз, он добавил, нервно постукивая пальцами по столу:

– Убийца очень осторожна, она неглупа, организованна. Практически не оставляет после себя следов. – Начальник посмотрел на Медведева. – Я правильно размышляю?

– Так точно. Ни на одном месте преступления не обнаружено орудия убийства, отпечатков пальцев, у нас нет ДНК. Все, что у нас есть, – это единственный волос с края раны тела Образцовой, и то выделить ДНК не удалось.

– И свидетелей, я так понимаю, тоже нет? – уточнил полковник Зуев.

– Никто ничего не видел, не слышал, ничего подозрительного не заметил, – подтвердил Денис.

– Да, свидетель нам бы не помешал, – сдвинув густые брови, сказал Медведев.

– Может такое проделать человек с нездоровой психикой, с отклонениями? – поинтересовался Зуев у психолога-криминалиста.

– Я бы так не сказал. Она не псих, – ответил Беркович. – Я думаю, даже производит впечатления вполне здорового че-

ловека.

– Жаль. Чокнутых легче искать, они выделяются из толпы, – смеясь, сказал Мухин.

– Я представляю, что это молодая женщина не больше тридцати лет с каштаново-рыжими волосами, которые она перекрашивает, чтобы выглядеть старше. Аккуратна, ухоженна, организованна, работает, с интеллектом выше среднего. Возможно, с детства сталкивалась с насилием, надругательством, унижениями, побоями.

Беркович глотнул воды из стакана, встал и принялся расхаживать мелкими шагами вдоль стола, заложив руки за спину, чем еще больше напомнил Винни Пуха.

– Думаю, убийца ранее была в квартирах жертв, а может, и не раз, хорошо ориентируется, знает распорядок их дня, привычки, а может, даже участвует в их жизни. Она умна, чтобы не выбирать жертв, живущих по соседству. Убийства совершены в разных районах Москвы, что может свидетельствовать о наличии работы разъездного характера. Вероятно, сфера услуг на дому, социальная работа, обходы или опросы, доставка товаров. Она умна и знает, что мы наблюдаем за местом преступления. Возможно, у нее есть искушение вернуться. Наверное, стоит еще какое-то время понаблюдать за домом Образцовой.

Доктор Беркович снова полез в свой портфель, достал другую папку с документами. Включил ноутбук.

– Итак, давайте, продолжим. У нас пока мало информа-

ции о преступнице, чтобы делать какие-то выводы. Давайте обратим внимание на жертв. Кто они были, что они собой представляли, почему она выбрала именно этих женщин? Возможно, тогда нам откроется и мотив. — Беркович оглядел всех присутствующих и перевел их внимание на проекционный экран, висящий на стене. — Посмотрите на проектор. Я попросил родственников умерших женщин предоставить фотографии из семейного архива. Так нам будет легче понять, какими они были, что в них могло привлечь убийцу. Вглядитесь в эти лица.

На проекционном экране замелькали фотографии Образцовой Марии и Соколовой Натальи, сделанные при жизни, портретные, в окружении семьи и знакомых, попадались и детские фото.

Беркович снова сел за стол, взял лист бумаги, надел очки и начал зачитывать текст.

— Итак, Наталья Соколова, пятьдесят лет. Шатенка, глаза карие. Рост сто шестьдесят четыре сантиметра, вес шестьдесят килограммов. Законченное среднее образование. Восстребованный парикмахер, работала в престижном салоне «Шик. Блеск. Красота» в центре Москвы. В разводе, в отношениях на момент смерти не состояла. — Беркович взял паузу. — Теперь Мария Образцова. Сорок восемь лет. Светло-русые волосы, серые глаза. Рост сто шестьдесят семь сантиметров, вес шестьдесят три килограмма. Образование высшее экономическое. Владелица собственного вещевого магазина

«Твой стиль» в южном административном округе Москвы. В разводе, в отношениях на момент смерти не состояла.

Беркович отложил листок и снял очки. Затем, вновь наслаждаясь звуками своего голоса, продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.